

Анна и Татьяна Аксиныны

Цветы на снегу

Детективный роман

18+

Анна и Татьяна Аксинины

Цветы на снегу

«Автор»

2006

Анна и Татьяна Аксиныны

Цветы на снегу / Анна и Татьяна Аксиныны — «Автор», 2006

"Цветы на снегу" - так назвал свою картину модный художник Игорь Казанцев, выразивший в ней горечь и надежду своей нелегкой юности. Московская журналистка Марина Белых, приехавшая в Новосибирск, чтобы взять интервью у знаменитости, готовилась окунуться в мир искусства: выставки, салоны, фуршеты, беседы о прекрасном. Но попала в водоворот трагических событий, жестокости и криминала. Да ещё и затеяла собственное расследование!

© Анна и Татьяна Аксиныны, 2006

© Автор, 2006

Анна и Татьяна Аксинины

Цветы на снегу

2003 г.

Марина собиралась в дорогу.

– Слушай, это у нас традицией становится, что ты без меня в Новосибирск летаешь, – заметил Андрей. Он явно был расстроен.

– Не огорчайся, тебе сколько осталось с этим договором работать?

– Дней пять-шесть.

– Вот и хорошо, скучать некогда будет. А я вернусь – и поедем в Европу.

– Скорей бы отдохнуть, – Андрей вздохнул и пожаловался жене. – Что-то мне тяжело после мелкого бизнеса крутиться в среднем.

– Да, конечно, масштабы увеличились, но я бы не сказала, что ты не справляешься. «Кредо» не только не тонет, но и расширяется, вот-вот из журнала дорастет до издательского дома.

– Тьфу-тьфу, чтобы не сглазить! – воскликнул Андрей. Марина засмеялась и взъерошила ему волосы. Андрей обнял ее, но тут зазвонил телефон.

– Пусты, это Маша.

Марина ответила в трубку сестре.

– Да, хорошо, я уже готова, – и сказала Андрею. – Они внизу в такси. Как раз времени осталось только на дорогу в Домодедово. Присядем на дорожку.

Она села на диван, Андрей пристроился рядом, обнял жену за плечи, прижал на секунду ее голову к своей груди.

– Пора! – вздохнула Марина.

– Что-то сумка совсем маленькая, – сказал Андрей в лифте.

– Да ведь я на три дня еду. Это Маша с Олегом неделю-другую пробудут, а мне только на выставку сходить да интервью у Казанцева взять. Текст можно потом с ним согласовать по электронной почте.

– А обратный билет взяла?

– Нет, ведь это – не проблема, – Марина уже не вздыхала, она думала о предстоящей поездке, которая сулила новые впечатления, встречи с новыми людьми и со старыми друзьями.

– Ну, смотри, поосторожней там, чтобы не было, как в прошлый раз.

– И это говорит генеральный директор? А где погоня за сенсациями? Как ты только тираж увеличиваешь? – Марина совсем развеселилась. – Нет, я конечно, прямо на выставке случайно сниму жуткое убийство, а когда художника объявят маньяком, докажу, что всему виной его незаконнорожденная дочь.

– А когда главная преступница прижмет тебя к стенке, чтобы убрать свидетеля, появлюсь я, только не забудь позвонить, – поддержал шутку Андрей. Они вышли из подъезда в зеленый двор, и летний вечер встретил их теплым ветерком.

– И когда все это напечатаем в «Кредо», читатели, будут «кипятком пытать», как говорит Ульянка.

Открылась дверца такси, Олег Ярославский вышел, чтобы поздороваться с Андреем и Мариной, которая в который раз про себя отметила, как все-таки хорошо воспитан Князь. Ярославскому так подходило это прозвище, придуманное Мариной, что уже и родители иногда называли мужа младшей дочери Князем. А уж «княжеской четой» Олега и Машу стали звать все друзья и знакомые поголовно.

– Пожалейте ваших бедных читателей, – включился в разговор Ярославский, пожимая руки поочередно Марине и Андрею. – Ведь они еще не просохли от слез по поводу потерянной девочки Леночки.

Марина села в машину и поцеловала Машу.

– Давно мы никуда вместе не ездили, – сказала она.

– Прямо не верится, – восхитилась Маша, – что я тоже увижу город, о котором вы с папой мне все уши прожужжали. А то как-то даже стыдно, что в Турцию съездить время нашли, а на папину родину – нет.

– Ну, Сибирь, если быть точными, нам всем троим родная.

– Да, только я никаких воспоминаний не сохранила, а папа целый лист исписал достопримечательностями, которые мы должны посетить.

– Он и с меня взял слово привезти фотографии института, набережной Оби, а уж дом дедовский снять во всех ракурсах. Я в шутку спросила, не надо ли пожарную вышку сфотографировать, а он так обрадовался: «Что, еще сохранилась?» Наверное, он не утерпит, приедет сам. Дела в фирме идут неплохо, он редкий месяц без премии.

– Да, хорошо, что папа бросил собственный бизнес, ему теперь не надо отвечать за все сразу. А вот Олег, например, не высыпается хронически. Я эту поездку планировала, как отдых, а он тут же нашел дело, какие-то связи успел завязать по сети. Теперь будет искать местных партнеров или даже пробивать филиал.

– Маша, солнышко, не сглазь, – сидевший впереди Олег обернулся к сестрам. – Я рад, что ты поехала, Марина, будешь нашим гидом по Новосибирску. И Маше не будет так скучно со мной.

Сестры начали возмущенно говорить одновременно:

– Это когда же... – они засмеялись, и Марина предложила, – Давай, сначала ты, Маша.

– Я хотела сказать: «Это когда же я скучала с тобой!»

– А я: «Это когда же она будет скучать при такой насыщенной программе!» Ведь у тебя намечены встречи и в кофейне, и в яхт-клубе, и на ярмарке... Не помню, в сауне – есть?

– В сауне – нет, и от пейнтбола я тоже отказался. Зато есть еще картинная галерея и театр. И ты, как моя любимая свояченица (Олег с особым удовольствием произнес это слово), конечно, должна и будешь во всем этом участвовать.

Марина вспомнила, как на свадьбе Маши и Олега Таня Колокольникова, общая подруга сестер Белых, заставила жениха учить названия родственников. Бедный Олег спутал тестя со свекром, сватью со свахой, а деверя обозвал «драйвером», но слово «сваяченица» врезалось ему в память. С тех пор он часто щеголял им, а Андрея Краснова, мужа Марины, называл «дорогой свояк».

– Кое в чем, конечно, поучаствую. В театр с вами обязательно схожу, новосибирский балет все хвалят, а я ни разу не видела. На выставку Казанцева вы со мной пойдете, могу и фото ваше в качестве посетителей в журнал протолкнуть. Но в основном, будете без меня развлекаться. Кстати, не забывайте, эта ночь у нас пропадет, прилетим уже утром, постарайтесь сразу уснуть в самолете.

Маша и Олег так и сделали: попросили плед, укрылись и, привалившись друг к другу, моментально заснули. Марина же, напротив, не могла сомкнуть глаз. Она размышляла о своем свекре Викторе Александровиче Краснове и не могла понять, как это он так быстро завоевал доверие Олега и Маши. Со стороны можно было подумать, что не Андрей – его сын, а Олег. У них завелось гораздо больше общих дел, чем у Андрея, который с детства жил отдельно от отца, а когда вырос, старался быть независимым от него. Журнал «Кредо», вернее, – контрольный пакет акций – Краснов решил подарить Андрею к свадьбе. Этот подарок, конечно, разом решал проблемы, возникшие у Андрея в связи с изданием собственной газеты, которая находилась на грани финансового краха. Но Андрей из гордости мог наотрез отказать от

такого подарка даже во время свадьбы. Предвидя это, Виктор Александрович сделал ловкий дипломатический ход: отправил в редакцию газеты электронное письмо, в котором тактично спрашивал у сына согласия. Случайно или нет, Андрея как раз не было. Естественно, письмо первой увидела Ульянка, заведовавшая почтой. Ее громкое «Вау!» привлекло Марину и Игоря. Началось бурное обсуждение. Будучи компаньонами Андрея в газете, Ульянка и Игорь уже пристрастились к этому делу, им не хотелось все бросать и разбегаться. За каких-нибудь пять минут они все решили: газета превратится в отдел городских новостей журнала, а Марина, Ульянка и Игорь – в штатных сотрудников.

– Теперь, как в анекдоте, осталось уговорить королеву, – охладила энтузиазм друзей Марина, лучше них знавшая непростые отношения отца и сына Красновых.

– Уговорим, не сомневайся, – заверила Марину Ульянка.

Этим они и занимались весь вечер допоздна, благо, была пятница. Андрей отчаянно сопротивлялся, но тройному натиску вынужден был уступить. А вот Олег принимал подарки легко и радостно, только старался сделать что-нибудь в ответ. Виктор Александрович находил ему выгодные заказы, давал ценные советы, знакомил с нужными людьми. Олег, в свою очередь оказывал ему компьютерные услуги, делился связями. Вскоре они уже так подружились, что семейные обеды, которые Краснов устраивал для Андрея и Марины два-три раза в месяц, теперь были не мыслимы без Ярославских. А вот подруга Виктора Александровича – Юля, красавица и топ-модель все реже оказывалась с ними за столом. Поскольку это была уже почти трехлетняя связь, Марина вначале спрашивала, где Юля. Причина отсутствия всегда находилась: на примерке, на дефиле, уехала в Лондон, сдает экзамены (она заканчивала ВУЗ). И хотя Юля не совсем исчезла с орбиты Краснова, похоже было, что ей готовится смена. Андрей говорил когда-то Марине, что у отца есть привычка часто менять подруг. Но Маша об этом не подозревала и продолжала каждый раз спрашивать о Юле.

Стол был всегда прекрасный, а свекор – само обаяние. Но Марина, хотя поддерживала разговор и шутила, а свободно, как дома, себя никогда не чувствовала. Она больше любила бывать у мамы. Они встречались там с Машей каждый четверг, сначала секретничали с мамой, дружно накрывали стол. Потом приходил папа, уходивший для этого пораньше с работы. Он приносил дочкам что-нибудь «вкусненькое», как маленьким, и они бурно радовались, как в детстве. Когда позже приезжали зятя, чтобы, посидев полчаса, забрать своих ненаглядных по домам, мама вздыхала:

– Ох, мне кажется, что я слишком рано вас «от груди отняла»!

Если кто-нибудь из дочерей оставался ночевать, мама очень радовалась. В их комнате, «комнате девочек», даже после ремонта почти все осталось, как раньше, только вещей поубавилось. Марина посмотрела на часы: прошло полчаса, как взлетели, а сна – ни в одном глазу.

Еще немного помаявшись, она сказала себе: «Ах, не спишь? Ну и не спи!» – и раскрыла ноутбук. Решение о поездке на выставку Игоря Казанцева родилось слишком внезапно, она скачала все подряд из «Интернета», чтобы почитать, как будет время. Фамилия была совсем не редкой, даже Игорей Казанцевых оказалось трое: депутат, артист театра и писатель. Не повезло и с псевдонимом Каза, потому что “Casa” означает «дом» в ряде языков романской группы. Поиск захватил какие-то выставочные центры, дома мод, супермаркеты. В общем, «пришел невод с одною травой морскою». На третий раз Марина запросила “Igor Casa” – и попала в точку. Теперь она внимательно читала газетные сообщения, удивляясь, как такой известный человек не попал в ее поле зрения раньше.

Игорь Казанцев сначала стал популярным на Западе. В конце девяностых годов его приняли в члены испанской академии художеств за цикл картин с горными пейзажами. Регулярные выставки чуть ли не во всех крупных европейских странах. Его сравнивают с великими художниками: то – с Айвазовским, то – с Дали. Постоянно живет в Испании, имеет дом в Барселоне с видом на море. Невероятно много написал картин, хотя работает маслом. Не гнушается делать

вариации некоторых своих картин в угоду покупателям. На первом месте по числу проданных полотен в прошлом году, особенно ценятся его испанские пейзажи. Первая выставка в Москве прошла два года назад. «А я-то где была? С Машиним Князем и захочешь, да не пропустишь ни одной стоящей выставки, все равно уговорит. А, понятно, мы тогда с ней обе экзамены сдавали. А вот и скандальные новости».

Пользуется успехом у женщин, несколько раз был женат. Особенно много шума наделал его гражданский брак с Фернандой Гонсалес, популярной испанской танцовщицей (сценический псевдоним – Мария Росса). Оставив ради Игоря не только сцену, но и любовника-импресарио, она быстро обнаружила, что его доходы не так велики, как ей хочется. Автомобиль у него был немодный, купленный по дешевке. Дом с видом на море он арендовал, а приходящая прислуга была всего одна. Да и светская жизнь его была весьма бедной, он почти ни с кем не встречался, не приглашал гостей. Казанцев много времени отдавал работе. Пока он писал ее портрет, это было терпимо, даже льстило ее самолюбию. Но потом он вернулся к пейзажам. Вместо того чтобы свозить Марию (это имя нравилось ему больше) в ресторан или в модный салон, он ездил на этюды по берегу моря или в Каталонские горы, а потом часами работал дома. Мария-Фернанда бесилась от скуки, она стала давать интервью и позировать репортерам. Чтобы подогреть их интерес к своей особе, она сочиняла о своем муже всевозможные байки, все более дикие и даже неприличные.

Казанцеву это не понравилось, он предложил подруге вести себя скромнее, или обратиться обратно в кафе. Фернанда ушла с громким скандалом и дала самое большое интервью. Она ударила по самому больному. Она обвинила Игоря в полном отсутствии таланта художника: «Его жалкая мазня никому не интересна, он зарабатывает гроши. Этот опустившийся, неряшливый, нищий субъект стал посылать меня на работу, чтобы жить за мой счет». Казанцев, никогда ни слова не печатавший в прессе в ответ на все ее нелепые выдумки, на сей раз взорвался. До сих пор он мало занимался коммерцией, сдавал картины в один и тот же салон, получал проценты с продаж, не запрашивал много и с заказчиков. Доходы позволяли иметь кров, пищу и любимое дело. Что еще надо? К роскоши он не стремился.

Но сейчас Казанцев развил бурную деятельность. Он пригласил в дом журналистов, которых доселе избегал, показал им свои работы, угостил хорошим вином, рассказал немного о себе. При этом он был в дорогом костюме, а возле дома сверкала лаком новая машина престижной модели. Про Фернанду он, как его ни провоцировали, он сказал только одно: «Я ее ни в чем не виню: такой уж создал ее Бог. Тихая жизнь у семейного очага ей в тягость. И не будем больше об этом». («Неужели эти репортеры не читали Проспера Мериме? Почти точная цитата из «Кармен»»). Напоследок он сообщил, что намерен выставить на аукцион одну из лучших своих картин «Портрет Марии». Портрет красивой стройной длинноногой девушки с пламенным взглядом, выходящей из морской волны в купальнике цвета загара, обошел наутро все газеты не только Испании, но и других европейских стран. Сразу несколько солидных фирм захотели провести этот аукцион. Начальная цена – тысяча долларов.

Танцовщица в бешенстве подала в суд, пытаясь отсудить полотно, на том основании, что это ее портрет и был ей подарен. Через адвоката она добивалась денег. Но Игорь не дал ей отступного, а явился на суд в окружении целой толпы репортеров. Суд не признал права модели на произведение искусства, а дарственной у Фернанды не было. Адвокат заливался соловьем: «Ваша часть, обратите внимание, что бывшую подругу маэстро Каза зовут Фернанда, а картина подписана «Портрет Марии». Очевидно, что это не просто портрет какой-то одной девушки, а собирательный образ. Эта гордая красавица, стоящая на берегу моря, – символ Барселоны или даже Каталонии». Его речь читала уже не только Европа, но и Америка. Хозяин салона в Барселоне увеличил цену картин маэстро Каза втрое, а когда их расхватили почти в драку, понял, что продешевил. Через неделю на аукционе американский миллионер через посредника

инкогнито купил «Портрет Марии» за такую сумму, что Казанцеву хватило бы на двадцать лет полного безделья.

Марина убрала ноутбук и снова вспомнила Виктора Александровича, ведь это его подарок. Мысленно вернулась к тому разговору, после которого она так резко собралась в Новосибирск. Собственно, ехать должны были Маша и Олег, об этом и беседовали за столом. Обед на этот раз проходил в городской квартире Краснова. Как обычно, блюда были доставлены из ресторана, а официант только разогревал и подавал на стол. Он появлялся у стола и исчезал, как фокусник. Как раз перешли с деловых планов Олега на культурную программу. Едва упомянули тетю Катю и дом семьи Белых, которому 100 лет, как Виктор Александрович «к слову» предложил в следующий раз встретиться в его загородном доме, чтобы заодно посмотреть замечательный коттедж по соседству.

– Не понимаю, почему Андрей не соглашается сменить квартиру на такое чудесное место, – он уже показывал фотографии.

– Папа, я же тебе объяснил, что, во-первых, у меня нет сейчас свободных средств для такого расширения жилплощади, а во-вторых, оттуда неудобно ездить на работу.

– Но у вас же вот-вот же появится вторая машина, раз Марина получила права. Да и с хозяином можно договориться об отсрочке.

«Зуб даю, что вы, милейший, и есть этот хозяин», – подумала Марина, но не произнесла ни звука. Все свои ехидные слова при любой полемике с отцом мужа она оставляла при себе. Перед ней как будто вспыхивала надпись: «Все, что Вы сейчас скажете, будет использовано против Вас». И Марина была сама корректность.

– Маша, Олег, ну хоть вы подумайте, как жаль будет, если такой хороший домик уплывет в плохие руки. А летом он мог бы прекрасно заменить дачу и Марине, и вашим родителям.

Олег с Машей с полной серьезностью разглядывали фото краснокирпичного двухэтажного коттеджа, окруженного зеленью, не задаваясь вопросом, почему это он второй год так выгодно продается – и все еще не продан. Такой оборот еще меньше устраивал Марину, и она поспешила сменить тему.

– Олег, ты не все рассказал про вашу программу. Не одна же тетя Катя вас интересует.

– Конечно, например, на субботу я заказал билеты на закрытие сезона в Оперный театр.

– Молодец! А я хоть и дважды побывала в Новосибирске, но ничего там не посетила, все некогда было. Оперный театр только снаружи видела, хотя жила рядом. Даже как-то обидно.

– А ты, свояченица, лучше не грусти, а поезжай с нами, сходишь на балет, будет «Жизель». А потом напишешь статью о театре.

– Ну, про него уже все написано, да и читатели-москвичи приревнуют к провинции, не понравится статья про сибирский балет. Правда, Андрей?

– Да, пожалуй. Какая-то нетрадиционная тема. Вот если бы про охоту на медведя – это бы подошло.

– Марина, а ты напиши про художника. Как раз Игорь Каза из Испании приехал в Новосибирск с новыми картинами. Может, это последняя его выставка на Родине. Каза вообще – уникал, явление не местного, а мирового масштаба.

– Какой еще Игорь Каза?

– Да Игорь Казанцев, он сейчас на пике моды в Европе. Неужели не слышала?

– Нет, по-моему. Но если он такая суперзвезда, к нему, наверное, не подберешься за интервью. Ты с ним дружишь?

– Нет, шапочно знаком. Но ты позвони Дине, она устроит.

– Какой Дине? Васильчук?

– Да, у нее с Казанцевым очень хорошие отношения. Когда он бывает в Москве, они всегда вместе. А она тебе несколькими заказами обязана. И тот рисунок на четвертой странице обложки тоже послужил ей рекламой.

Марина действительно оказала помощь Дине Васильчук, с которой она познакомилась в компании Олега. Молодому дизайнеру из провинции было трудно пробиться, не имея никаких связей. Марина посмотрела ее портфолио, альбом эскизов, особенно ей понравились рисунки гуашью. Это было неожиданно: как дизайнер интерьеров Дина была на хорошем, но среднем уровне, а рисунки ее оказались оригинальными, какими-то по-детски неправильными, но яркими и радостными. Один из них – то ли бабочка, то ли женщина – она уговорила Андрея взять для обложки журнала.

Марина познакомилась с Диней со своей подругой парикмахером-стилистом Таней Колокольниковой, которая как раз купила комнатку и ломала голову, как задешево превратить ее в приличный салон. Дина за сущие гроши сделала проект и сама же с Таней его воплотила. Никто бы не поверил, какого эффекта можно добиться, покрасив стены в разный цвет и чередуя потолочную плитку в шахматном порядке. Стекланные столики и зеркала сделали комнату светлой и просторной. Со стеклом девушки не умели работать, но Дина пригласила знакомого мастера, тоже недорого. Естественно, что Таня не забывала рассказать клиенткам про хорошего дизайнера, а визитки Дины постоянно лежали на столике с журналами. Дина очень ценила хорошее к себе отношение, она регулярно звонила Марине, сообщала новости из мира художников, предлагала познакомить ее с разными интересными для журнала людьми, обязательно читала и хвалила ее статьи. Да, если Казанцев ее друг, то интервью Марине обеспечено.

– А может, мне не понравится его искусство? В каком направлении он работает? Концептуализм или нонконформизм? Или он русский авангард возрождает?

– Пальцем в небо, Маринка! Чистый реализм с уклоном то в академизм, то в импрессионизм.

– Может, хватит нам головы морочить своими «измами». Олег, по-русски не можешь объяснить? – взмолился Андрей, не очень понимавший искусствоведческую терминологию.

– Ты, конечно, прав, дорогой свояк, нечего ярлыки навешивать. Казанцев рисует живую природу, и она у него живет: море волнуется, от гор холодом веет, солнце светит, цветы цветут. А женские портреты, как бы поточнее выразиться, – соблазнительны.

– Ого, редкий дар, он еще и портретист, оказывается! Как бы я хотела увидеть этот феномен.

Да, вот так она примерно выразилась, а на это фразу вдруг, как снежный ком навертелось столько аргументов, что не ехать стало как-то даже невозможно. Тут были и перспективы написания хорошей статьи, и любовь читателей к успехам наших людей за рубежом, и собственный интерес Марины к неизвестному гению, и желание Краснова тесно пообщаться с сыном и помочь ему в решении важной проблемы, и нежелание Андрея выступать в роли семейного тирана, и уговоры Маши, и аргументы Олега...

Вот теперь и сидели они втроем в салоне самолета, разрывающего ночь и пространство мощью своих турбин. «Что-то про турбины «ТУ», было в песне Визбора, – всплыло откуда-то из детства. – Это его песни папа иногда пел с друзьями»... – последняя мысль окончательно усыпила Марину. Ей приснилось веселое застолье, гости, родители: Елена Алексеевна и Николай Николаевич – все поют под гитару. «Хороший сон: к новым друзьям и веселью», – расшифровала она его, проснувшись при посадке.

* * *

Марина звонила мужу:

– Андрей, милый, какой облом! Оказывается, Игорь Казанцев неожиданно уехал из Новосибирска. Мы с ним разминулись сегодня утром в аэропорту. У него срочный заказ, и он летит в Париж. Дина не успела меня предупредить.

– Хорошо, возвращайся домой, я уже соскучился.

– Когда же ты успел?

– Сразу после того, как ты села в машину. Когда тебя встречать?

– Андрей, пожалуй, я задержусь. Во-первых, в картинной галерее до воскресенья еще работает выставка картин Казанцева, во-вторых, Дина меня обещала познакомить с Аркадием Полонским. Он довольно известный художник, основатель местной школы акварелистов. Это он первый когда-то открыл талант Казанцева, помог ему.

– Ты хочешь взять интервью у Полонского?

– Да, ты правильно понял. Он его очень хорошо знает. Я думаю, получится интересно. Два художника. Попробую.

– А когда планируешь вернуться?

– В воскресенье вечером. Задерживаться не буду, я тоже соскучилась по тебе.

– А ты когда успела?

– Сразу после того, как села в машину.

Она не стала говорить Андрею про еще одну неприятность. Зачем такие мелочи через три тысячи километров обсуждать? Эта неприятность поджидала в гостинице. Для Марины не нашлось свободного места. Олег поставил на уши дежурного администратора, он угрожал и очаровывал, но она смогла только предложить поселить Марину на раскладушку в том же двухместном номере. Марине совсем не хотелось мешать «княжеской чете».

– Но ведь это только на одну ночь, завтра утром освободится одноместный на том же этаже, – уговаривала дежурная. – Вы слишком поздно позвонили, все уже было забронировано, надо хотя бы за недельку.

«За недельку я сама ни сном, ни духом про вашу гостиницу не думала, собиралась дома ночевать. Но надо как-то определяться».

– А завтра будет место? Никому не отдадите? Точно? – надела Марина на дежурную, и та клятвенно обещала. Марина обернулась к Маше и Олегу. – Ну, все, решено. Вечером едем к тете Кате, я у нее и заночую. А утром – сюда, в личные апартаменты.

Они прошли в номер Ярославских, зевая еще на лестнице, и сразу уснули, попросту упав на широченную постель вдвоем (Маша – посередине). Поспав, отправились по делам: Олег с Машей – на бизнес-ланч с нужными Олегу людьми, а Марина – на встречу с Диной. Марина сказала, что хочет позавтракать, и Дина назвала ближайшую подходящую пиццерию. Пока Марина завтракала, Дина с извинениями все ей и сообщила. Она же и придумала, как компенсировать Марине несостоявшуюся встречу с Казанцевым.

– Ты почти все об Игоре сможешь узнать у Полонского. Это он открыл талант Казанцева. Я уже договорилась, что ты после галереи пойдешь к нему в гости.

– А удобно ли это – мы ведь незнакомы? – засомневалась Марина.

– Все в порядке, расслабься. Аркадий Константинович очень гордится Игорем. Он весь в драйве, что московская журналистка специально прилетела на выставку и на встречу с ним. А завтра сходишь на юбилейный вечер Полонского, ему шестьдесят, там будут все местные знаменитости. Я тебя познакомлю с друзьями Игоря, узнаешь мнение профи, потусуешься.

– Нет, на день рождения, наверное, не пойду.

– Да брось ты, Марина! Это же не домашний вечер, а фуршет в банкетном зале. Народу – девяносто человек, я сама список составляла и тебя уже включила.

– А почему ты, Дина? Полонский – твой родственник?

– Аркадий Константинович – мой опекун, он мне – вместо отца. Они с Полиной Сергеевной меня из детдома взяли.

Дина насупилась, плечи ее приподнялись, а живое выразительное лицо стало угрюмым, словно она снова переживала свое нелегкое детство. Марина сочувственно смотрела на нее, но не нашлась, как ее утешить.

– Наверное, это очень хороший человек, – наконец сказала она.

Дина просияла, распрямилась.

– Что ты, лучше не бывает! Я часто из Москвы домой езжу, чтобы повидаться. Как приеду – так для меня и праздник. Я там друзей новых не завела, только знакомые, приятели. С кем Полонские семьями дружили – те мои друзья по жизни и остались. Жаль, редко видимся, поразъехались, кое-кто уже за бугром. А в нынешней тусовке все друг друга норовят куснуть втихаря. Скорее лопнут, чем похвалят. Знаешь, Марина, за все время только Олег и ты обо мне что-то хорошее сказали.

Дина не упомянула Машу, и Марина понимала, почему. Маша слегка недолюбливала Дину, которая понравилась Олегу и Тане Колокольниковой. Она как-то сказала сестре.

– Ты не сильно доверяй Дине. Она хитрая.

– Она – хитрая, а я какая? Простая, как «Пионерская правда»?

– Нет, ты – умная. А она – хитрая.

Сейчас Дина льстила Марине, ее заинтересованность в положительной статье о Казанцеве была очень явной.

– Но мы же не твои конкуренты на рынке дизайнерских услуг, – отклонила Марина комплимент и допила кофе.

Они пошли пешком к главной картинной галерее, а потом еще посидели на лавочке под елями, поджидая Машу и Олега. Отсюда Марина и позвонила Андрею в Москву об изменении планов. Слышимость была прекрасная.

Всю дорогу Дина говорила только о Казанцеве.

– Игорь – не от мира сего. Он – художник от Бога. Ему, по большому счету, ничего не надо, кроме его работы. Он пишет, как заведенный, будто последний раз в жизни. Слава, деньги, все, что на них покупают, ему по барабану. Разве что дом очень ценит. Он квартиру в Новосибирске купил, когда уже не жил здесь, только на месяц в году приезжал. Мог бы у Полонского гостить, тот ему всегда рад. Но Игорю до зарезу нужна своя крепость, где удобно отдыхать, а главное – работать. Он и на заказ пишет без халтуры, даже если повторяет свой сюжет, все равно выкладывается, никогда не сделает халявную копию. К людям он очень недоверчив, ценит только старых испытанных друзей, и для них – в лепешку расшибется. И фальшь с ходу учует. Если ты его еще встретишь, а он бывает в Москве, так вот, если тебе какая-то картина не понравится, лучше промолчи, не хвали. Я как-то похвалила его часовню в горах, а она на самом деле на меня только тоску нагнала. Он все просек, меня чуть не выгнал! Потом помирились. «Я понял, – говорит, – ты еще молодая, тебе рано думать о вечном». Оцени, как сказал-то – «о вечном»! «Тебе, – говорит, – подходит солнце, море и цветы». И написал мой портрет, странный такой – как будто я, но с длинными волосами, стою на веранде его дома в Испании. Вокруг – цветы, за спиной – море.

Дина замолчала, видимо, сожалея, что проговорила о чем-то глубоко личном. «Наверное, она мечтает об этом доме в Испании, где она была бы рядом с ним, – подумала Марина. – Почему он на ней не женится? Она так его любит, это сразу чувствуется. Дураком надо быть, чтобы такую преданность не оценить».

Тут, кстати, подъехала «княжеская чета», и все пошли в старинное, по новосибирским меркам, здание. В предпоследний день выставки народу было мало, никто не мешал, да и экспозиция была совсем небольшая. В двух залах располагалось всего два десятка картин. Марина три раза обошла всю выставку Казанцева, пока Маша и Олег пошли знакомиться с другими залами. Марина не хотела смешивать впечатления. Картины Казанцева четко объединялись в серии: морские пейзажи, горные пейзажи, цветы. Картины большей частью были написаны в Испании, и содержали неоспоримые черты характера этой страны: пронзительно синее небо, лазурное или беспокойное море, причудливые скалы, изогнутые прибрежными ветрами деревья, монастыри и часовни на склонах гор, очень пышные яркие цветы под ярким южным солнцем. В основном, эти картины были большие и в массивных дорогих рамах.

Несколько картин оказались местного происхождения, написанные, видимо, еще до отъезда за границу. Они отличались меньшими размерами, более скромными рамами. Марине, не видевшей Испании, эти пейзажи показались роднее и ближе. Она долго вглядывалась в каждую. Картины были действительно хороши, в них, казалось, можно было войти.

Конец лета, дачный домик едва выглядывает из цветов, не экзотических, а привычных: георгины, гладиолусы, мальвы, золотой шар. Видно, что только что прошел дождь, земля на дорожке совсем темная, стена домика потемнела, а под самой крышей осталась сухой. Но на небе – большое голубое окно, ветер гонит тучи прочь, и цветы и листья блестят в лучах солнца.

Осень, пасмурный день, солнце едва пробивается сквозь тучи, зато ярко сияет желтая листва берез, розовеет листва рябин, а ягоды горят огнем. Марина много раз видела это, и в такой момент всегда жалела, что парад осени скоро кончится, и все красочные листья поблекнут и засохнут. Она вспомнила свои старые стихи:

*Стоит рябина, словно арка,
Я в лес вхожу, как в благодать.
Ах, как же осени не жалко
Под ноги золото бросать!*

Следующая картина: сумерки, темное небо, почти черная стена сосен у дороги, их ветви и обочина покрыты синим снегом, изгиб дороги ведет к почти неразличимому домику с окошком, светящимся в темноте. «Первый снег», – прочитала Марина, и ощутила даже кожей этот озноб первого холода, почувствовала запах свежеевыпавшего снега и стремление скорее попасть в этот домик, в тепло и уют.

– Марина, а мы тебя потеряли, – подошла Маша. – Тебе эти пейзажи больше понравились? А мне – цветы. На них можно смотреть бесконечно! Я бы хотела, чтобы в доме висела такая прелесть.

– Нет, море – вот его конек! Как он передает движение волн, игру света! – высказался Олег.

Подошла Дина, застенчиво спросила:

– Ну, как вам, понравилось?

Слушая искренние похвалы москвичей, она так довольно улыбалась, как будто это были ее собственные работы. Уточнив время встречи гостинице, Ярославские пошли по своим делам, а Марина с Диной поехала в гости к Полонскому. В маршрутке Дина отдала Марине буклет с выставки Казанцева, извинившись, что остался всего один, последний.

– Здесь есть биография Игоря и его фотография.

– Спасибо, – Марина просмотрела буклет. – Но где же портреты? Почему на выставке не было ни одного?

– Игорь их никогда не выставляет и не продает, он их пишет редко и только для себя.

«Да ну? А как же «Портрет Марии»? Надо уточнить у Полонского».

Путь их лежал на левый берег, и Марина с моста удовольствием смотрела в окно на панораму великой реки. Буксирный пароходик, выплывший из-под моста, казался игрушечным на сверкающем обском просторе. Мелькнула полоска пляжа, заполненная людьми, словно муравьями. После моста ехали недолго. Дина с остановки показала Марине двенадцатиэтажную башенку, совсем маленькую по московским меркам.

– Вон тот дом, со студией наверху, он там работает.

Марина, присмотревшись, увидела над верхним этажом надстройку с длинными окнами на север.

– Это его личная мастерская? – спросила она.

– Что ты, нет, конечно, – коллективная. Была – собственность областного отделения Союза художников, а потом ее жители дома приватизировали. Им повезло, что в таком месте казино не сделаешь. Этот дом весь заселен художниками, архитекторами, преподавателями.

Марина порадовалась за жильцов дома, приятно, наверное, жить с такими соседями.

– Только не обращай внимания на наш беспорядок: не закончили ремонт, – предупредила Дина в лифте. – Я, собственно, хотела лишь ванну сменить, на большее отец не соглашался. А когда сняли ванну, оказалось, что надо менять трубы и всю прочую сантехнику. Немного не успели закончить к юбилею.

Дина открыла двери своими ключами, и сразу повела Марину в кабинет. Квартира была улучшенной планировки: с коридором-прихожей, приличной кухней и тремя отдельными комнатами. Большая квадратная комната, куда, постучавшись, они вошли, служила кабинетом и гостиной. Аркадий Константинович сидел за столом в большом старом кожаном кресле. При виде гости, он встал, и, поправив длинные зачесанные назад седые волосы, вышел навстречу. Марина увидела, что это довольно высокий, несколько располневший, но в целом вполне бодрый мужчина. Рукопожатие у него было крепкое, но в меру. Дина, представив их, сразу удалилась, видимо, на кухню, откуда через несколько минут принесла чай в изящных фарфоровых чашечках. А потом чем-то там стучала и позвякивала.

Марина удачно начала разговор, похвалив акварели Полонского, висевшие прямо перед ее глазами стене.

– Удивительно, как эта улочка напоминает Питер. Не думала, что в Новосибирске есть такие старинные дома.

– А это и есть Ленинград. А вон там – узнаете? – он кивнул головой, и Марина оглянулась на другие акварели.

– Это, конечно, не спутаешь – Медный всадник, Аничков мост, Исаакий. А эти цветы...

– Что – цветы?

– Тоже – здорово, но они совершенно в другом стиле. Знаете, у нас возле метро «Бауманская» в Гороховском переулке есть Школа акварелистов. Я там была на выставке Андрияки. Очень похоже.

– Да что вы говорите! Правда, похоже? – со странным выражением спросил Аркадий Константинович и вдруг громко и весело расхохотался. – Это и есть Андрияки. А у вас хороший глаз, Марина Николаевна, и вкус есть. Ваша семья имеет какое-то отношение к искусству?

– Нет, мама – врач, папа – инженер-строитель. Но меня часто водили на выставки, и я занималась в изостудии. Правда, я потом бросила рисование из-за нехватки времени. Мне действительно понравились картины Игоря Казанцева, жаль, что не успела встретиться с ним. Но вы мне расскажете о нем?

– Дина хорошо отзывалась о вашей профессиональной этике и Вашем журнале. В наш век – это редкость. Журналисты «ради красного словца не жалеют мать-отца». Иногда читаешь и думаешь: «Мир сошел с ума». Вы хотите написать о Казанцеве? Что ж, Дина попросила, я не могу ей отказать. Итак, записывайте. (Марина поставила диктофон на стол и нажала кнопку).

«Как я познакомился с Игорем Казанцевым. Была поздняя осень: слякоть, не то дождь, не то снег, промозглый ветер. Вечером я возвращался домой. В выходе из метро – парнишка стоит с картиной. Курточка на нем была легкая, не по погоде, но я сначала обратил внимание на руки – красные, как у гуся, и без перчаток. Помню, подумал: «Нельзя тебе без перчаток, испортишь руки». На картине – натюрморт: ломтики лимона, вино, рыбка. Сырая картина, мастерства не хватает, видно, что самоучка писал, но как смотрится! Я остановился, просил он за неё гроши. Я купил, не раздумывая. Поговорил с парнишкой. Он в каком-то НИИ работал после института. Когда-то немного учился рисованию в детской студии. Оставил я ему свои телефоны, помощь обещал, если он надумает учиться. Дома поставил картину на свет, не помню, сколько времени сидел в оцепенении. Ругал себя, что не взял его адреса, успокоиться

не мог! Столько бездарей учим, тянем, тянем их, а толку нет. А здесь – самородок. Неделью места себе не находил, пока Игорь не позвонил. Устроил его в наше художественное училище. Учился он по индивидуальной программе. Жить ему негде было: он же уволился с работы, и его выселили из общежития. Немного пожил у нас, а потом стал снимать квартиру: картины его стали хорошо продаваться.

Меня просто пугала его одержимость. Он мог месяцами спать по четыре часа в сутки. И работать, работать. Я понимал, что ему надо учиться дальше. Наше училище для него – «мелкий ручеек». Помог случай. Приятель у меня был в Германии, Вальтер Гресс. Мы с ним в Ленинграде познакомились, много лет переписывались. Он не художник, а преподаватель русского языка в университете. Вальтер истинный ценитель живописи. Приехал, как турист, Сибирь посмотреть. Я его свозил на Телецкое озеро, потом на охоту. А когда показал ему работы Игоря, Вальтер был поражен. Он поговорил с Игорем, посмотрел, как он работает. А потом предложил оплатить обучение Игоря в Дрезденской художественной академии. Это заслуга Вальтера, что Игорь достиг такого успеха.

Игорь теперь меньше живет в России, чем в Испании. Почему? Может, эта страна родственна его душе. Его испанские пейзажи расходятся по всему миру. Он пишет как Айвазовский, я имею виду количество картин. Распыляется. Зачем ему такой темп? Деньги? Он богат. Известность? В Испании он известен почти как Веласкес. Во Франции – он один из самых модных художников. Но мне, кажется, он еще не написал свою главную картину. И, если Бог отпустит ему время, он еще прославит Россию, потому что, несмотря ни на что, он русский художник».

* * *

Вечер у тети Кати прошел очень тепло, по-родственному. По дороге Марина предложила заехать в универмаг, чтобы купить какие-нибудь гостинцы для Кати и ее семьи, но Маша перечислила ей все, что она приготовила тете Кате, дяде Васе, Пете, Соне и Мишутке. Марина признала: этого хватит на всех. Олег спросил с ехидцей:

– Сударыни, просветите меня, кем вам приходится сын троюродной тети, я что-то не помню такого родства.

– Петя – наш четвероюродный брат, а тебе он – четвероюродный шурин, – без запинки ответила Марина. – Только зачем эти степени считать? Пусть будет просто – брат, а тебе – шурин. В крайнем случае, чтобы не запутаться, зови его Петя.

– Главное – чтобы человек был хороший, – подытожила Маша.

У знакомых ворот стояла белая «Нива». Оказалось, что это за Соней приехали ее родители, чтобы увезти ее с Мишуткой на недельку в деревню к дедам. Ради встречи московских гостей, они задержали отъезд до вечера. Вся родня не поместилась на крыльце. Здоровались и знакомились до самого стола. Олег, скептически относившийся к словам Марины, что он обязательно полюбит этих простых и сердечных людей, когда поближе узнает, уже через полчаса совершенно освоился. Он с энтузиазмом чокался с дядей Васей и сватом Гришей, нахваливал пироги тети Кати и грибочки сваты Тамары.

Маша не сразу заметила, что Олег принял лишнее. Она сначала отвлеклась на Мишутку, который с удовольствием разговаривал и играл с ней, хоть и сидел на коленях у бабы Тома. Но вскоре Маша поняла, что домашнее вино оказалось не только сладким, но и крепким, и наложила твердую ладонь на рюмку мужа.

– Правильно, – поддержала ее тетя Катя. – Куда ты разогнался, Вася? Надо же и поговорить, и поесть, а ты все наливаешь да чокаешься. И Грише обидно, он же за рулем. Поставь обратно эту бутылку, хватит уже вина на сегодня.

– Да я же от души! Я так рад! У меня одна была любимая племяншка – Мариша, а теперь стало две. Машенька тоже такая хорошая. Ты, Олег, ее не обижай, слушайся. Я нашу мамочку

всегда слушаюсь, хорошая жена – мужу первый советчик. Не зря же на свадьбах говорят «Совет да любовь».

– Дядя Вася! – умиленно сказал Олег, – Ты глубоко прав. Ты так мудро говоришь, я с тобой полностью согласен.

«Ну вот, – подумала Марина, принявшая всего полрюмочки черемухового, – кажется, дошло до «Ты меня уважаешь?» Сейчас начнут целоваться».

– Пейте кофе, – раздался мягкий голос Сони, раздававшей чашки с подноса, который нес за ней Петя. – Нам скоро ехать.

Марина узнала сервиз – свой прошлогодний подарок Соне ко дню рождения. «А подарки где?» – вдруг вспомнила она.

– Ой, подарки, забыли! – всплеснула руками Маша. – Олег, где сумка?

Поднялась суматоха. Сумка, к счастью, быстро обнаружилась на веранде. Все гостинцы нашли адресатов, причем Маша умудрилась выделить по сувениру и Сониным родителям. Затем сваты, Соня и Мишутка, которому так понравился красный надувной плавательный жилетик, что он отказался его снять, погрузились в машину и отбыли. За столом в первый момент стало очень тихо и даже вроде пусто. Тетя Катя налила всем чаю, а Олегу – еще кофе. Разговор пошел неспешный и обстоятельный. Сначала поговорили о семейных новостях, потом гости рассказали про свои планы в Новосибирске.

– Да ты, племянш, бизнесмен! – поразился дядя Вася. – Ну и как тебе, круто?

– Нет, дядя Вася, машинистом, наверное, круче. У меня в детстве была железная дорога, я готов был сутками играть, и один и с друзьями. А от этих стрелялок компьютерных очень сильно зрение садится.

– Точно, Олежек, я Петруше говорю, рано Михаила к компьютеру подпускать. А он говорит, сейчас время другое.

– Дядя Вася, а зачем же вы его купили? Сами играете? Ох, я когда-то «Думом» увлекался!

– Что ты, какие мне игры! Кино только люблю смотреть: реклама не мешает и можно остановить, где тебе надо. Для Сонечки покупали, со сватами скинулись. Ей же надо всякие программы знать архитектурные.

– Разве она на архитектора учится? Машенька мне говорила, а я, наверное, забыл.

– Нет, Олег, я говорила, что Соня учится по специальности «Дизайн интерьера», – мягко поправила Маша, наливая Олегу третью чашку кофе.

Заметно трезвеющий Олег благодарно улыбнулся жене и погладил ее руку. Марина спросила, как успехи у Сони с учебой, а потом поинтересовалась работой Пети в следственной бригаде.

– Марина, смотри лучше в кино, сериалов много. А я теперь тайну следствия соблюдаю свято, ничего криминального ты от меня не услышишь.

– Ну, что ты так нервничаешь, братец? Следователь должен быть выдержанным.

– Я, сестренка, как узнал, что ты приедешь, так ночь не спал, думал, что же ты на этот раз раскопаешь.

– Ну и что, по-твоему, можно раскопать на выставке картин и в разговорах о художнике?

– Да хоть что! Может, контрабанда, раз ездит через границу. Уж ты-то везде найдешь неприятности на свою и мою голову. Кстати, запиши мой сотовый номер. Если что, звони.

– Спи спокойно, Петя, никаких звонков не будет. Но телефон запишу.

Выйдя из-за стола, гости принялись фотографировать дом со всех сторон. Потом прогулялись и до пожарной каланчи, и до набережной. Вечер был теплый, не хуже, чем в Москве, река играла золотым закатным солнцем, левый берег тонул в дымке. Олег и Маша восхищались шириной и мощью водного потока. Пока Ярославские гуляли у самой ограды набережной, Марина с тетей Катей присели на скамейку.

– Да, Марина, все забываю спросить, это не ты ведешь в журнале страничку «Думай, что говоришь»? Там, правда, не Марина Белова, а Алла Толмачева, но я подумала, что ты в честь бабушки Ани могла фамилию взять.

– Да, тетя Катя, вы очень проницательная! А имя я взяла от моей московской бабушки, Аллы Михайловны.

– Ну, да, конечно, я и забыла, так звали Леночкину маму. Вот видишь, Петя, а ты с нами спорил: «Не она, да не она».

– Эх ты, Петя, проспорил! Бери свою маму в бригаду, она поможет тебе в расследованиях. Стоящий рядом Петя крякнул в досаде. Катя утешила сына.

– Просто мы успели, а ты не успел прочитать статью «Фильтруй базар, мужики! Эссе о проблемах русского языка». Ты тоже почитай, нам всем понравилось, местами очень смешно, а вообще все точно подмечено.

– Не «языка», а «устной речи», – поправил ее Петя. – Читал я, только не согласен, что мат не нужен. Иной раз просто слов других нет!

– Но ты, Петруша, не путай, о чем Мариша писала, – вступил в беседу дядя Вася, присевший рядом с Мариной но только что освободившееся место. – Не о том же, что иной раз между собой мужики скажут в своем мужском коллективе: на тяжелой работе, на аварии какой или в драке. А вот если всякие сопляки и соплячки прямо на улицах, в транспорте и в других местах не могут двух слов без матюгов связать, это, я считаю, безобразие и распущенность.

– Я тоже согласна с Мариной, что так забывается нормальная речь, мозги отвыкают работать, и вместо любых слов, как ты для примера написала, употребляют только «на хрена», «хреновина», «хреновый», «охренеть».

– Да, – оживился Петя, – пример мне понравился. Я его наизусть выучил, всем пересказывал. «Жил старый хрен со своею хренухой у охренительно синего моря. Своей хреновиной он ловил в море всякую хрень». И как он рыбке ответил: «Хрен с тобою, золотая рыбка мне твоя хренотень на хрен».

– Да, примерно это и слышится вокруг, только корни другие, вовсе непечатные. Но меня особенно возмущает, когда на такое убожество переходят люди, овладевшие языком, интеллигенты не в первом поколении. Да еще какой-то шик находят в этом, какую-то мнимую свободу, раскованность. А еще начинают это пропагандировать с экранов, дисков, со страниц.

– Раньше был лозунг «Культуру – в массы!», а теперь, наверное, «Бескультурие – в массы!» – поддержала Марину тетя Катя.

– Кстати, – спросил дядя Вася, – а чем тебе не угодили другие, вполне культурные? Я, если честно, другие твои примеры не понял. Такое часто пишут и говорят.

– Дядя Вася, я выступила против засорения языка иностранными словами, особенно, когда человек их значение знает не точно, а в словаре посмотреть ленится. Он выпячивает свою «образованность», а получается та же «хреновина», но на иностранный лад. Я уж не помню, какие именно примеры я в статью вставила, их же множество. Как вам это? «Эпицентром праздника стало народное гуляние».

– Ну, это я знаю, как перевести на русский. «Центром взрыва праздника...». Да, жутковатый намек получился.

– «Ограничение либеральных свобод в Англии».

– Вроде все нормально.

– Нет, Вася. В переводе – «свободных свобод», – догадалась тетя Катя.

– И мне что-нибудь загадай, – попросил Петя.

– «Его имидж заметно повысился».

– «Имидж» – это «образ», он повыситься не может, повыситься может рейтинг, авторитет или известность.

– Правильно. Вот и вы вступили в нашу игру с читателями. Мне сейчас в журнал много таких фраз присылают. Мы объявили игру с призами, кто первый пришлет СМС с правильным ответом, тому – приз, и тому, кто лучший «ляп» обнаружит.

– А вывод из этого такой: если красиво, но непонятно, лучше не говорить, – подвел черту дядя Вася.

– Нет, лучше говорить и красиво, и понятно: на правильном родном языке.

– О, слышу, свояченица оседлала любимого конька. Дядя Вася, как по твоему, я – неграмотный?

– Да что ты, Олежа, наоборот!

– А Марина меня постоянно поправляет: то ей «законнектиться» не нравится, то «зеленые президенты».

– Батюшки, какие-такие президенты? – удивилась Катя.

– Ну, ты, мамочка, даешь! Это молодежь так доллары называет, – пояснил дядя Вася. – Ну, нагулялись? Пошли домой!

– Удивительно, – сказала Маша Марине, когда пошли обратно к дому, – мне кажется, я их всю жизнь знала. Действительно, как ты и говорила, простые хорошие люди.

Олег на обратном пути разговорился с тетей Катей, он убеждал ее попробовать освоить компьютер. «Вот одна моя знакомая почти в семьдесят впервые взяла в руки мышь, а теперь жизни без Интернета не представляет». Марина вспомнила, какой переворот произвел подаренный Олегом компьютер в жизни учительницы-пенсионерки Галины Леонидовны Костриковой. После микроинсульта она боялась одна выходить из дома, круг ее общения резко сократился. Конечно, дочь не могла слишком часто приезжать из Обнинска ее проведать. Маша и Марина регулярно навещали любимую учительницу. А их родители – Николай Николаевич и Елена Алексеевна – летом возили ее на дачу. Но много времени оставалось и на одиночество.

Олег Ярославский приехал к Галине Леонидовне за зеркалом, которое она подарила Маше ко дню свадьбы. Он поговорил с ней совсем немного, и понял, «что старушке еще далеко до маразма». Делая на фирме очередной «апгрэйд», он выделил ей компьютер и модем, приехал, поставил, научил. Конечно, без Марины, она бы его и включить побоялась. Помогли и внуки-подростки, которым вдруг стало интересно в гостях у бабушки, тем более что определенная сумма за Интернет шла за счет фирмы Олега. Теперь при каждом посещении Галины Леонидовны Марина узнавала, что еще новое и полезное она нашла в Интернете.

– Какую замечательную диету продумал врач Самоваров из Омска! – сверкая голубыми глазами, делилась она с Мариной. – Я отправила ему анализы, и он мне выслал рекомендации. Представляешь, надо три недели подряд есть только каши: без соли, сахара и масла. Мне подходят овсянка, гречка и пшено. За эту неделю я помолодела на год, а главное нет этого чувства голода, пустоты в желудке, как при других диетах.

– Надо тебе сходить в книжный магазин на Тверской, – советовала она Марине в другой раз. – Они проводят вечерние праздники. Туда приходят семьями, очень хорошие впечатления, может, напишешь статью.

– Не только мне не нравятся эти модные Мураками, критик Апыхтин написал, что эти романы тоже на дух не выносит. Он советует читать лучше Акунина: в занимательный сюжет завернут хороший русский язык и знание российской истории, – объясняла Галина Леонидовна появление томика «Пелагии» на своем столе.

Едва взгляд падал на любимую кошку, смиренно сидящую возле хозяйки за чайным столом, как тут она же вспоминала очередную новость с кошачьего сайта.

– Вчера была история, как кошка защитила хозяйку от грабителя. Она ему все лицо исцарапала, еле-еле глаза уберег. Думаю, моя Пуся тоже могла бы постоять за нас.

Такой информационный прорыв не особенно удивил Марину. Но кто бы мог подумать, что старушка станет ходить на «чат» и даже мистифицировать публику! Она под двумя име-

нами разыгрывала перед юной публикой бессмертную драму Шекспира «Ромео и Джульетта». Ее Аэлита и Щас-как-дам сначала долго не могли встретиться, потом влюбились друг в друга, потом оказались из семей конкурирующих торговых мафий, потом Аэлите подобрали другого жениха... Галина Леонидовна писала текст заранее, и часто консультировалась с Мариной, как перевести что-нибудь с русского на жаргон или наоборот.

– Как он должен объяснить ей, что у него вчера компьютер не работал? – спрашивала она.

– Пусть скажет просто: «тачка глючила». А если нужна серьезная поломка, то «мать ласты склеила». Это значит, материнская плата вышла из строя, – отвечала Марина.

– А что такое «крендель» и «матрешка»?

– Не что, а кто: парень и девушка, они же – «пельмень и пельмешка».

– Вот спасибо! – радовалась учительница и тут же записывала новые слова в специальную тетрадку-словарик. Чтобы не отпугнуть грамотностью своих персонажей, Галина Леонидовна игнорировала все знаки препинания, а Щас-как-даму вставляла ошибки в каждой фразе, используя богатый учительский опыт. Население чата клюнуло и заглотило приманку! За многосерийным приключением придуманной пары следили, влюбленным давали советы. В общем, «мыльные оперы отдыхают».

Когда они вернулись в дом, Петя предложил посмотреть отснятые кадры на Сонином компьютере. Олег совершенно машинально, не прерывая разговора с тетей Катей, тут же подошел к компьютеру, включил, пощелкал «мышкой», скачал кадры, установил режим слайдов, развернул монитор экраном в сторону дивана.

– Да ты, племян, не бизнесмен, а профессионал, – восхитился дядя Вася.

– Ты о чем, дядя Вася? – не понял Олег. – Это все Марина снимала.

– Да, – гордо ответила Маша, – Олег – программист высокого класса.

Уже в одиннадцать совсем протрезвевший Олег на такси поехал с Машей в гостиницу, а Марина устроилась на знакомой веранде.

* * *

В субботу Марина поднялась рано. Она пожалела, что не захватила с собой ноутбук. Хорошо бы сразу записать впечатления от выставки картин Игоря Казанцева и детали разговора с Полонским. Чтобы личность Полонского обозначилась четче, она вчера довольно подробно расспросила и о его собственном творческом пути, о друзьях, о работе и других учениках. Позавтракав с тетей Катей вчерашними пирогами, она поспешила в гостиницу. «Голубков, конечно, разбужу, но поработать хоть пару часов надо. Да и номер занять, пока не перехватила», – с этими мыслями она направлялась к трамвайной остановке.

Прохожих было немного, и Марина сразу заметила идущих навстречу двух молодых мужчин. Что-то было в них одинаковое, неуловимо связывающее их вместе, хотя они старательно не замечали друг друга. Проследив быстрый взгляд одного из них, Марина увидела худенькую девушку возле уличного банкомата. Девушка, вернее, средних лет худенькая женщина, в затрапезном платице доставала из сумочки карточку. Рядом на стене этого же дома был телефон-автомат. Мужчины свернули к нему. Один вставил карточку и стал неторопливо набирать номер, второй пристроился в очередь к первому. Марина машинально замедлила шаг. Показалось или нет, что они подкарауливают эту женщину? Она замедлила шаг и решила подождать у газетного киоска, чем дело кончится.

Обогнав Марину, к банкомату подошел третий парень и, с полным безразличием на физиономии, встал в двух метрах за спиной девушки, замкнув треугольник. Марина купила первую попавшуюся газету, «Вечерку», получила сдачу и повернулась к подозрительной группе лицом. Позиция изменилась мало: тот, что «звонил» перешел в очередь, а второй сообщник встал на его место к автомату. На Марину, сделавшую вид, что просматривает заголовки, они не обращали внимания. Женщина вынула карточку из банкомата, и стоявший позади придви-

нул. Марина, так же держа газету перед лицом, сделала неторопливый шаг от киоска. Она расфокусировала взгляд и легко удерживала всех троих в поле зрения. «Сейчас этот выхватит деньги или сумочку и побежит за дом, а те, двое, должны помешать ей или кому-то еще догнать его», – предположила Марина, делая еще один шаг в сторону банкомата.

Дальнейшее произошло очень быстро: женщина получила деньги и сунула их в раскрытую сумочку – грабитель протянул руку и вырвал сумочку – он повернулся, чтобы убежать – его встретил удар коленом в солнечное сплетение – он согнулся – второй удар по шее – он упал и отключился. Марина стояла над ним, и смотрела на его сообщников, ожидая, чтобы они как-то выдали свои намерения. Брошенная ею газета, шурша, оседала на тротуаре. Парни замерли от неожиданности, женщина обернулась, глаза ее округлились, рот открылся. Немая сцена продолжалась мгновение, Марина чуть подалась вперед, оба парня повернулись и почти бегом скрылись за углом дома.

– Возьмите вашу сумку, – Марина вытащила сумку из-под неподвижного тела.

Женщина трясущимися руками прижала сумку к груди и спросила:

– А он живой?

– Живой, ничего ему не сделается. При такой «работе», наверное, уже случалось битым быть. Вы не переживайте.

Они вместе дошли до остановки. Женщина прижимала сумочку, вид у нее был такой жалкий, поникший, словно ее только что побили. Она безостановочно говорила.

– Ну, надо же, ползарплаты сняла. Собираюсь на дачу, хотела в супермаркете продукты взять. Надо же, среди бела дня напали, – в который раз повторяла она.

– Вас проводить? – предложила Марина, поглядывая на подходявший трамвай.

– Нет, что Вы, здесь людно, я не боюсь, – она немного собралась, выпрямилась, посмотрела по сторонам уже не затравленно, а с достоинством. Марина, кивнув ей на прощанье, заскочила в вагон.

Дежурная не обманула, Марина получила ключ от номера. Номер был совсем неплохой, а главное – отдельный. Она поинтересовалась, собираются ли Ярославским завтракать, но они и не думали переходить на местное время. Маша вообще не вылезла из-под одеяла. Олег, правда, встал и даже шорты натянул, чтобы открыть дверь и отдать Марине ее вещи, но позевывал и ворчал спросонья:

– Имей совесть! Какой завтрак? Еще шести нет, дай поспать.

Марина приняла душ и села за любимый инструмент. Но что-то не шло. Марине не понравилось то, что она написала: какие-то отрывочные впечатления. Статья не вытанцовывалась, ну и не надо напрягаться. Добавится новый материал, все ляжет по-другому. «Кстати, в чем же я пойду на фуршет? Девяносто человек, представляю, что там будет за публика. Нужен костюм для вечера и, конечно, с юбкой. Или нарядное платье?»

Как удобно жить в центре города: ближайший бутик оказался в двух шагах от гостиницы. А ведь говорил ей Андрей, когда она собиралась в поездку: «Бери больше вещей, пригодятся». Что она не послушалась мужа? Хорошо, сейчас нет проблем с тряпками, были бы деньги. Марина рассматривала одежду. От услуг назойливой девушки она вежливо отказалась: все развешано на манекенах и плечиках. Ей понравились два наряда: бирюзовый шелковый костюм с длинной юбкой и коротким жакетом и открытое бежевое платье затейливого фасона. «Платье очень эффектное, но, пожалуй, слишком дорогое. Я за год столько не трачу на одежду. Наверняка задрали цену в несколько раз». Марина знала (Андрей объяснял ей) политику цен дорогих магазинов. Он говорил:

– Допустим, магазин приобрел 4 новых модных мужских костюма, чтобы реализовать их по тысяче долларов. Сначала они выставляют цену 2 тысячи. Найдется покупатель, который считает престижным для себя именно костюм за две тысячи. Затем цену снижают до полутора. Второй покупатель заплатит полторы тысячи, грея себя мыслью, что экономит пятьсот. Два

оставшихся костюма выставляют уже по их нормальной цене. Покупатель, видевший их за 2 тысячи, но не взявший, теперь охотно берет костюм за эту цену. Магазин уже получил сверхприбыль 500 долларов и мог бы подарить последний костюм бедным в порядке благотворительности. Но его уценяют наполовину, и тут...

Андрей сделал паузу, и Марина подала ожидаемую реплику:

– И что же происходит тут?

– И тут его покупаю я.

– Да, экономическое образование хорошо себя оправдывает.

Размышляя, Марина продолжала любоваться платьем и не сразу обратила внимание на эту пару, когда они вошли в салон. Мужчина лет тридцати пяти в дорогом летнем костюме уверенно прошел к кожаному дивану. Весь внешний облик мужчины, от туфель до часов, кричал о достатке и благополучии. Совсем иначе выглядела его спутница. В такой одежде не ходят по дорогим бутикам. Марина пристальнее взглядела в ее лицо. «Ба! Да это же недавняя жертва нападения у банкомата. Странно, она же все твердила про дачу. И что их связывает с этим шикарным джентльменом? Она определенно старше его, в любовницы не годится», – любопытство приковывало взгляд Марины к этой необычной паре.

К пришедшим подбежали две девушки. Мужчина отдал какие-то распоряжения, девушки принесли целый ворох одежды. Мужчина занимался выбором, тогда как его спутница не произносила ни слова. С покорным видом и она поднялась и пошла в примерочную, а мужчине принесли поднос с чайником и чашками. Несколько раз шторка открывалась и возникала женщина в черной юбке и разных белых блузках. Мужчина одобрил юбку, но перебирал и никак не мог выбрать блузку. Наконец, он встал и принялся рассматривать приносимые ему наряды. Женщина вышла из примерочной и подошла к манекену с тем самым бежевым платьем, к которому присматривалась Марина. На ее лице отразилась целая гамма переживаний: интерес, восторг, испуг (при виде ценника), легкое сожаление («не по карману, но поглядеть-то можно»). Она с трудом отвела взгляд от платья и встретила глазами с Мариной. Женщина приветливо улыбнулась:

– Ой, это Вы? А я утром даже не сказала «спасибо». Как это вы не побоялись? Их ведь было трое.

– Я много лет занималась дзю-до.

– Все равно, вы очень смелая, большое вам спасибо! А я Вас сразу не заметила, тут столько красивых вещей!

– Вам нравится это платье?

– Да, такой необычный фасон и цвет очень приятный.

«Какое интересное лицо: выразительные янтарные глаза под черными ресницами, удлиненный овал лица, тонкий нос, четко очерченные губы. Сияют волосы необычного золотистого цвета, вспыхивает румянец на лице. Хороша, а утром была какая-то серая и невзрачная». Мужчина определился с выбором, женщина ушла в примерочную кабинку. Ко всему прочему он забрал то самое бежевое платье. Вопрос с выбором для Марины отпал сам собой: она не стала спрашивать, есть ли еще такое платье, а примерила и взяла бирюзовый костюм, который ее вполне устраивал по цене.

В отличном настроении Марина отправилась в гостиницу и успела хорошо поработать, пока Маша с Олегом не позвали ее завтракать.

– Эх вы, сони! У нас в Сибири уже обед, – поддела их Марина.

Несмотря на субботу, Ярославский наметил две деловые встречи в неформальной обстановке.

– Молодец! Красивый костюм купила. Жалко, что ты не сможешь пойти с нами вечером в театр, – сказала Маша.

– Ничего, может в другой раз повезет.

- В какой еще другой? Это же закрытие сезона.
 - Да у меня предчувствие, что я здесь гораздо дольше пробуду, чем наметила, раз уже начала наряды покупать. Может, мне здесь придется до самой осени куковать.
 - Откуда столько пессимизма? – встрял Олег.
 - Нет, это такой вид оптимизма: в плохом видеть хорошее. Застряну здесь – зато все театры пересмотрю. А может, даже еще и цирк, и кино.
 - Не забудь еще мужской стриптиз, – поддержал шутку Князь.
- Интуиция не подвела Марину: она задержалась в Новосибирске, и увидела почти все, о чем невзначай брякнула в разговоре. И даже стриптиз.

* * *

Марина пришла рано, надеясь пообщаться с гостями, пока они еще трезвые. Она поднялась по белоснежной лестнице и окинула взглядом банкетный зал. Совсем неплохо, не скажешь, что Сибирь: белые мерцающие стены, голубая драпировка на окнах в цвет кожаной мягкой мебели, обилие живых цветов, маленькие журчащие фонтанчики. На невысокой эстраде стоял белый рояль. «Жаль, что я в своем костюме буду почти сливаться с обстановкой. А может, это и к лучшему?»

Дина о чем-то беседовала с официанткой у фуршетного стола. Она помахала рукой. Марина, подходя, рассматривала ее. Дина была в красном платье с большим вырезом и узким красным шарфиком, который она смело завязала сбоку на шее бантом. Естественно, что лак был тоже красный. Но для своих пухлых губок она взяла не красную помаду, а только блеск, чтобы не выглядеть вызывающе. Красный цвет очень шел к ее смуглой коже и каштановым волосам. Золотистые тени делали ее глаза круглее и светлее, чем на самом деле. Марина помнила, что раньше Дина черной подводкой придавала своим глазам азиатский разрез, а прическа каре не скрывала ее широковатые скулы. Это Таня ей предложила сменить имидж: сделать светлее волосы, подобрать другие тени. Хотя стрижку Колокольникова ей сделала короткую, открыв уши и шею полностью, Дина стала выглядеть нежнее, женственнее. «Интересно, какая, в ней кровь смешалась: татарская, кавказская? Но очень привлекательная внешность».

Сейчас Дина была очень озабочена.

– Не представляю, как отец выдержит это юбилей, у него давление подскочило, сейчас выпил лекарство, лежит на диванчике в той комнате. Хорошо, что ты пришла рано, я сейчас найду тебе собеседников.

Она быстро окинула взглядом зал, заметив входящих по ручку мужчину и женщину, скорчила гримаску:

– Только не эту парочку! Это Иванютины, Кира и Гера. Они всегда везде участвуют, обо всех судят, а сами даже не художники, только тусуются. Зато всякие сплетни про всех знают. Типа того, «скажешь гадость – в сердце радость». А вон там, у фонтанчика сидит Саша, классный художник и мужик хороший, он учился с Игорем. А рядом с ним, такая крупная барышня, – Люба Караваева, она тоже училась у отца, но позже, на бересте рисует. Пойдем, я тебя представлю.

– А третья с ними кто?

– А никто, просто Сашина жена, не помню даже, как ее зовут. То ли Нюша, то ли Даша.

Марина легко умела завязать нужный разговор, и внимательно слушать, что ей говорят, изредка выражая свой интерес и одобрение. Как утверждал Карнеги, этого вполне достаточно, чтобы прослыть очень умным и тонким собеседником, ведь каждому человеку интересен, прежде всего, он сам. Со стороны могло показаться, что эта троица знакома сто лет: Саша и Люба с веселыми шутками рассказывали про годы учебы, они не завидовали Казанцеву, а с удовольствием вспоминали его достижения, хвалили его новые работы. Марина незаметно включила диктофон в сумочке, она жадно слушала, уточняла кое-какие детали, обращала вни-

мание на специальные термины. Жена художника, которая назвалась Стешей, ничего кроме имени больше не сказала. Она было вполне довольна, восседая рядом с мужем в изысканном обществе.

Марина увлеклась и не сразу заметила, что в дверь напротив дивана выглянула Дина и манит ее. Она извинилась и поспешила к Дине.

В узком коридорчике стояли запахи еды, видимо, он вел в буфетную.

– Марина, обалдеть, какая хорошая новость! – с фальшивым оживлением сообщила она. – Игорь не улетел во Францию, он сейчас звонил отцу предупредить, что придет.

«Полонскому позвонил, а тебе, стало быть – нет», – сообразила Марина, но сказала другое.

– Действительно, это приятный сюрприз, а то статья без интервью с героем выглядела бы слишком куцей.

Дина выглянула в дверь в полупустой зал, как зверек из норки, и жалобно предложила:

– Покури со мной.

Они устроились на какой-то служебной лестнице, но Марина только разок дым пустила, она принципиально не курила никогда. Еще в школе она заметила, что это только добавляло ей привлекательности в глазах парней. Уже студенткой она участвовала в опросе университетской молодежи о курении девушек. Жаль, что итоги опроса не вывесили на рекламных щитах вместо предупреждения Минздрава. На первый вопрос: «Как вы относитесь к тому, что курит девушка в компании?» – ответили «положительно» 80 процентов парней. На второй: «Как вы относитесь к тому, что курит ваша девушка?» – уже 40 процентов. А на третий: «Как вы относитесь к тому, что курит ваша будущая жена?» – только 10 процентов. Марина часто вспоминала эти цифры, но сейчас она не собиралась перевоспитывать Дину: та была жутко расстроена. Она сидела на подоконнике, ссутулившись, и нервно качала ногой.

– Не врубаюсь, что могло его остановить? Такой выгодный заказ, он даже выставку бросил на Аркадия Константиновича. Ну, мы с отцом, конечно, без проблем все организовали бы, картины запаковали в лучшем виде. Нет, прикинь, четыре пейзажа для комнаты в испанском стиле, причем, похожие на те, что он уже писал. Он мог это сделать за месяц по памяти без натуры, и деньги лопатой загрести.

– Может, заказчик передумал? – предположила Марина, стряхивая пепел с сигареты, которую она больше не подносила ко рту.

– Но, по-любому, он мог мне вчера позвонить. Хоть бы «эсэмэску» кинул. Может он что-то ужасное скрывает? Может, какое-нибудь несчастье? Сбил прохожего машиной, и с него взяли подписку о невыезде? Нет, я чокнусь!

– Да хватит тебе генерировать, он же скоро придет – и все выяснится.

– Да я все, я уже готова идти к гостям, – она кинула в рот таблетку жвачки и торопливо пожевала.

– Спасибо, Марина! – Дина встала, выпрямилась и, гордо держа точеную головку, зацокала каблучками вниз по лестнице.

Когда девушки вернулись в зал, народу стало вдвое больше. Дина, как маленький красный вихрь, пронеслась из края в край, на ходу приветливо улыбаясь, кивая, пожимая руки, отдавая какие-то распоряжения. Все сразу зашевелились, перестроились в некоторое подобие коридора, в который через минуту Дина ввела именинника. Полонский был на высоте, он неторопливо прошествовал к столу, приветствуя гостей, первым взял бокал вина и широким жестом пригласил всех последовать его примеру. Сначала гости образовали круг, прозвучали речи и тосты особо почетных гостей. После третьего тоста строй стал рассыпаться. Вскоре Полонский переместился на диванчик, рядом с которым на низенький столик Дина пристроила пару красивых бутылок и тарелку бутербродов с икрой. Возникли музыканты в концертных костюмах, это было джазовое трио: пианист, ударник и саксофонист. Зазвучала музыка, заглушая звон

посуды и разговоры. Кто-то все время подходил поздравить Полонского, вручить подарки, гора их на столе постепенно росла. Аркадий Константинович шутил, улыбался, но вино в его бокале почти не убывало.

Отыграв три композиции в стиле «мэйнстрим», музыканты пошли поздравить юбиляра. Он усадил их рядом, видимо, это тоже были его друзья. Марина в уголке на диванчике перекусывала крабовым салатом и соображала, удастся ли ей в этих условиях поговорить с Казанцевым. «Может, он уже пришел, я же его не знаю. Вон тот бородатый вроде бы похож на фотографию. Впрочем, и другой похож, бородатых тут вообще – половина. Хоть бы Дина не забыла нас познакомить». Но Дина куда-то вышла. Вдруг раздался громкий возглас Полонского.

– Игорь, как я рад, что ты не уехал! – юбиляр встал, чтобы встретить дорогого гостя.

Возникла пауза, почти в полной тишине все обернулись к вошедшему Казанцеву. «А он давно уже без бороды», – успела отметить Марина. Через зал к Полонскому шел коренастый, энергичный, уверенный в себе мужчина в смокинге, ведя под руку стройную красивую женщину в бежевом нарядном платье. И платье, и мужчина, и, особенно, женщина были уже знакомы Марине. Только сейчас она выглядела гораздо моложе и совсем не контрастировала со своим спутником.

* * *

Воскресным днем Алина шла по пустынной улице. Какой замечательный сегодня день! Солнце заливало дорогу, отражалось от белых стен домов. Молоденькие листочки шелестели и разворачивались к солнцу, радуя мир своей ярко-салатной зеленью. «Почему я раньше не замечала как красиво лето? А потому, что ты все выходные проводишь, согнувшись на огороде», – сама себе ответила Алина. Действительно, она не могла припомнить ни одного летнего выходного, проведенного в городе.

В это воскресенье они с сестрой отмечали полгода, как умерла мама. При мысли о маме сжалось сердце. Полгода мама ни разу не приснилась Алине. Алина вечерами плакала о маме: «Хоть приснись, скажи, что не сердись на меня. Ты теперь все про меня знаешь. Прости меня». Мама приснилась сегодня ночью первый раз со дня своей смерти. Она хлопотала у плиты, улыбалась Алине, а потом погладила её по голове и сказала вдруг: «За испанца выйдешь замуж».

Алина проснулась легко и радостно. С таким настроением она готовила угощение для поминок. Оставалось только купить хлеб и фрукты. Магазин, в котором продавали фрукты, что нравились Алине, неожиданно оказался закрыт. «Перерыв на 30 минут», – гласила белая бумажка на двери. «Подожду, время есть», – решила Алина, присаживаясь на лавочку в ближайшем дворике. Рядом с ней на лавочке сидели две молоденькие девушки. Одна из них курила, а вторая сидела за компанию. Девушки были в фирменных фартуках. В глубине двора Алина заметила сиреневую вывеску «Парикмахерская».

– Не хотите сделать прическу или стрижку? – обратилась к Алине вторая девушка, заметив интерес Алины к вывеске.

– Я не стригусь.

– У вас красивые волосы, не обязательно их закалывать в пучок. Можно сделать и не коротко. Хотите попробовать? Будет красиво. У нас недорого.

Парикмахерская размещалась в крохотном закутке, выделенном из запасного выхода подъезда. Каким-то чудом там разместились два кресла. Алина уже пожалела, что согласилась. Когда-то давно, в молодости Алина носила распущенные по плечам волосы под «колдунью». Во время беременности она привыкла закалывать волосы узлом на затылке. Привычка эта так и осталась. Девушка шустро шелкала ножницами. Алина закрыла глаза: «Ничего, волосы у меня быстро отрастают».

– Феном посушим? Уложим?

– Делайте, что хотите.

Девушка накручивала пряди на расческу, подставляя под горячий воздух фена.

– Ну, как, нравится?

Алина открыла глаза. На неё смотрела незнакомая молодая женщина. Волосы открывали высокий лоб, волной ложились на плечи, а на спине спускались до лопаток.

– Так и носите, – щебетала девчушка, – А если хотите заколоть, то подкалывайте на висках вверх, а сзади оставляйте так.

– Мне нравится. Спасибо!

– Приходите к нам еще!

Сестра Ольга в изумлении долго рассматривала Алину:

– Ты что, сдурела, стричься перед поминками?

– А что, плохо?

– Нет, тебе хорошо, но я не про то. Я однажды с цыганкой разговаривала, у неё отец умер, так она до сорока дней не мылась, мучилась, бедная, но не мылась! Какая муха тебя укусила? Да ты овощи режь, что стоишь? Не пугайся, я не помню, какая примета, может, ничего плохого и не будет.

– Мне мама сегодня приснилась, и она мне вдруг сказала, что я за испанца замуж выйду.

– Замуж? Ты и так замужем, причем здесь испанец?

– Ни при чем. Олечка, я сегодня шла по улице спокойно, никуда не спеша, и поняла, что я никогда раньше не замечала лета. Всегда какие-то дела. С работы несешься домой с сумками, не поднимая головы. Дома встаешь к «мартену» готовить. В пятницу на дачу мчишься. А там...

– Объясни мне, сестренка, зачем вам эти восемь соток нужны? Все засажено, ни клочка свободного. Ты весь день с раннего утра до вечера с лопатой, тяпкой и лейкой пашешь, а Виктор твой целыми днями машину моет и на тебя покрикивает: «Не так прополола, не так вскопала». А «борьба» с урожаем? То твой муж в командировке, то ремонтирует машину, а ты одна с тремя ведрами своего немереного урожая, стоишь в электричке. А затем полночи перерабатываешь. Кто у вас это все съедает? Раздаешь или выбрасываешь. Возьми нас с Леней. Завели пару грядок для удовольствия, чтоб из города пучок зелени не везти, по периметру – картошка, а все остальное – газон. Леня сам его в охотку поливает из шланга, газонокосилкой обрабатывает. Детям простор, носятся, играют мячиком, теннис настольный. Лес, речка, а вечером – банька, шашлычки. Подержи кастрюлю.

– Виктор никогда не согласится на газон.

– Сама виновата, позволяешь мужу на себе ездить. Даже мама тебе говорила: «Разводись, сколько можно терпеть». Алина, вспомни, какая ты в молодости была: и красавица и умница, а пела как. Папа всегда считал, что ты многого добьешься в жизни. Почему тебе ничего не надо? Работаешь в каком-то захудалом отделе, одно название, что районная администрация. Целыми днями бумажки в компьютер вводишь, а деньги совсем не большие. А начальница-змея еще и нервы треплет. Давно бы бросила, пошла на курсы бухгалтеров, как я. Одна фирма не понравится – тут же найдешь лучше. А дома? Муж на тебя сел и ноги свесил, сын вытворяет, что хочет. Давай, солью воду.

– Не ворчи, ворчание признак старости. Салатницу возьми.

– Ох, и не напоминай. Тебе хорошо, младше меня выглядишь, хоть и старшая. Где у тебя терка? А, вижу, вот она.

– У меня конституция такая.

– Да, кстати, про испанца. Игорь Каза приехал. Помнишь старосту нашей группы Пашку Казанцева? Так это его младший брат, двоюродный, кажется. Не важно. Он художник, живет в Испании.

– А «Каза» что – фамилия?

– На первом слоге ударение делай. Фамилия его Казанцев, как у Пашки, а так он свои картины подписывает.

– Даже не слышала про такого.

– Да что ты слышала вообще! Когда была в театре последний раз, на выставке?

– А кто с тобой на «Бьеннале современной графики» ходил?

– Вспомнила бабушка девичий стыд. Это, моя дорогая сестренка, два года назад было. Короче, перейдем к делу. Игорь мне позвонил, приглашает всех наших в четверг к себе домой на картины посмотреть, посидеть. Пойдешь с нами?

– Нет, не пойду, я его не знаю.

– Да ты вспомни, он в нашей компании вместе с Павлом был, такой маленький, худенький. А тебя он помнит.

– Как это, помнит?

– У него квартира недалеко от твоего дома. Он когда объяснял, как найти его, у меня вырвалось: «Там через три квартала сестра моя живет», а он мне: «Я и сестру Вашу приглашаю».

– Понятно, из вежливости пригласил.

– Да, хотя бы и так. Сделай себе маленький праздник. Сходи, проветришься, картины посмотри. Знаменитость мирового масштаба. В пятницу уже уезжает и неизвестно, приедет ли еще. Ну, Слава Богу, с готовкой управились!

Поминки прошли тихо, спокойно, маме бы понравилось. Алина вспоминала, когда умер папа, мама все время повторяла: «Надо поминки отвести, как полагается». На поминках тогда мама слезинки не пролила, подавала блины, разливала вино, разносила тарелки. А после поминок, когда все ушли, они с сестрой и мамой втроем рыдали в голос, обнявшись, на папином диване.

Муж Алины, Виктор, приехал в воскресенье поздно, не в духе, с порога напустился на Алину. Алина закрылась в ванной и долго плакала. Ночью она лежала без сна, вспоминая маму, свою жизнь. Слова сестры разбередили душу.

Алина с детства была гордостью родителей. В пять лет она уже бойко читала. Воспитательница часто усаживала Алину на стульчик в центре группы, детишки обступали её кругом и слушали, как она читает. С первого по десятый класс Алина была отличницей. Успевала заниматься в музыкальной школе, в спортивной секции, участвовала во всех мероприятиях. На всех школьных вечерах Алина пела, аккомпанируя себе на рояле. В маленьком поселке Яшино, где она жила с родителями и младшей сестрой, все знали и любили Алину. Она была первой золотой медалисткой папиной школы. Он работал директором, а мама учительницей.

Сестра назвала Алину неудачницей. Так оно и было: ни семьи нормальной, ни работы. Что это? Искушение за грех? Никому, даже матери, Алина не посмела рассказать о своем поступке. Всю жизнь она пытается забыть все, как дурной сон. Она ходила туда после. Домика того уже не было: снесли при строительстве больницы. Алина до сих пор помнит то место, как будто вчера там была. Маленький, вросший по самые окна в землю дом с покосившимся забором, покрытой мхом неровной крышей. До сих пор перед глазами стоит полукруглая железная табличка с адресом, над которой горела лампочка под небольшим козырьком. Под стройку подряд снесли несколько улиц. Не у кого было спросить, куда всех расселили. Сестра сказала: «Надо любить себя, чтобы быть счастливой». А может ли Алина любить себя после того, что совершила? Алина – преступница, и не достойна счастья. Наверное, поэтому Алина безропотно терпела все выходки мужа, но сегодня он перешел все границы. Виктор был категорически против поминок: «Что за мода отмечать полгода? Зачем приглашать родственников и соседей? Такие траты. Надо тебе отметить, отмечай сама на даче». Рассердившись на Алину, вечером он ругал её, вспомнил и маму, и сестру, и всех родственников. «Пойду с Ольгой в четверг к художнику», – решила она.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.